

УДК 130.122

ВСПОМИНАЯ О КУЛЬТУРЕ

В.Б. Гухман

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Рассмотрены избранные проблемы многогранной российской культуры, а именно: в искусстве – противостояние самобытного национального искусства и стандартизованного международного поп-искусства; в образовании – необходимость перехода с социально ориентированного на лично ориентированный учебный процесс с целью формирования культурной элиты общества; в науке – кадровая проблема: отток учёных из отечественной науки в зарубежную, непрестижность профессии учёного у молодёжи, низкая требовательность к учёным высшей квалификации; в этике – бескультурье большинства социума и средств массовой коммуникации. Делается вывод о неготовности культуры России к безболезненному вхождению в информационную цивилизацию.

Ключевые слова: искусство, образование, наука, этика, культурная элита, информационная цивилизация.

Культура – это лишь тоненькая яблочная
кожура над раскалённым хаосом.

Фридрих Ницше

В непрестанной борьбе за выживание, самосохранение и существование мы смотрим под ноги, дабы не оступиться, не упустить шанс найти жемчужное зерно в навозной куче, не дать другим шанс наступить нам на ногу или перебежать дорогу. И в этом мы не лучше рабочих муравьёв, которые никогда не подымут головы, беспечно подставляя её жестоким ударам судьбы. Наши склонённые к земле головы – тоже удобные мишени для жестоких испытаний. Культура, изначально предназначенная для «возделывания» человеческой жизнедеятельности (от лат. *cultura* – возделывание, обработка), со временем приобрела много ипостасей, в том числе такую благородную и важную для нас, как воспарение нашего земного существования от телесных подножий к духовным вершинам, от муравьиного быта к человеческому бытию, от жестоких ударов судьбы к её милостивым подаркам. Так подыдем же головы, воспарим с благословения культуры! Культурой с её благородным предназначением должно быть обеспокоено наше сознание. Вот только ценим ли мы такое её предназначение?

Искусство с его изначальной духовностью более всех других граней культуры ранимо неосторожными «телодвижениями» и бесцеремонными вторжениями в его творческую мастерскую. Ницшеанский «раскалённый хаос» нашей телесной жизни в первую очередь сжигает беззащитную «кожуру» духовности искусства в угоду элементарной корысти и её сомнительным ценностям.

«Аристократов духа» – мастеров искусств, не умаляющих достоинства ни своего, ни публики, последняя видит гораздо реже, чем подмастерьев и ремесленников от поп-искусства. Тому есть несколько причин. Во-первых, во все времена высокое искусство было редкостью (как и его знатоки, ценители).

Гении и мастера, занятые уникальным «штучным производством», не бродят толпами, не отирают подмошков и подъездов, не занимаются саморекламой в отличие от подмастерьев и ремесленников, занятых массовым «конвейерным производством» и заполонивших сцены, экраны, страницы книг и выставочные залы. Во-вторых, высокое искусство всегда ценимо, в том числе в буквальном смысле понятия «цены». Сейчас попасть в Большой театр, престижные концертные залы (тем более многократно) не каждому ценителю искусства по карману. В-третьих, технический прогресс, которому от силы век, приобрёл во второй половине XX – начале XXI в. глобальный стандартизованный характер, что не лучшим образом повлияло и на искусство с его неповторимыми, нестандартными национальными чертами. Так, сериалы, рождённые в 30-е гг. XX в. на американском радио («мыльные оперы», включающие вставки с рекламой мыла) нашли благодатные ниши во многих национальных искусствах, в том числе в многонациональном искусстве нашей страны. Современные российские телесериалы (незапоминающееся телевизионное «чтово для убийства времени») превратились в неиссякаемую «кормушку» для урядных сценаристов и режиссёров, актёров и актрис, цепляющихся за любую возможность заработка в московских и петербургских кино- и телестудиях и боящихся провинции «как чёрт ладана».

Что путного ожидать от похожих друг на друга «мастеров искусства», больных столичным снобизмом? Истинные мастера непохожи и в своей непохожести исповедуют скромный и одновременно достойный аристократизм духа и мысли, не опускаясь до эрзац-искусства и пошлого позирования перед телекамерами. Географическое происхождение большинства таких мастеров (пусть и имеющих столичную прописку) – провинция.

Российская провинция ещё хранит замечательные традиции национальных искусств, неподвластные времени и будоражащие душу вплоть до благодарных слёз в отличие от глобализированного искусства, оставляющего нас равнодушными к своим стандартным поделкам. «Взволнованную сказку» неповторимого русского романса, свежесть и глубинную красоту неувядающих внешне простых народных песен и плясок не сравнить с очередным шлягером-однодневкой поп-искусства.

Образование для культуры – то же самое, что плодоносящее семя для колоса. Проблем у отечественной системы образования накопилось слишком много, чтобы их можно было охватить в одной статье. Здесь мы лишь затронем проблему формирования *культурной элиты*, способной подвигнуть российский социум на безболезненное вхождение в грядущую информационную цивилизацию. Для этого следует, по нашему мнению, обратиться к давно известному рецепту стратегической цели образования – воспитанию самостоятельно и творчески мыслящего человека будущего в благоприятной образовательно-информационной среде. Такой человек вкупе с себе подобными должны формировать культурную элиту общества, не просто образованную (в привычном понимании), а *высокообразованную* в общекультурном смысле, исповедующую максимум единства познаваемого мира (включая миры человека и социума, науку и искусство) в рамках междисциплинарной парадигмы знания, а также сознающую свою социальную миссию, нацеленную на Добро и Красоту в интересах своего народа и в пределе всего человечества. Культурная элита должна формироваться не в контексте правления и господства, «сверхчелове-

ка», «героев и толпы», а в смысле уже упомянутого аристократизма духа и мысли и позитивного креатива – генерации полезных, системно обоснованных, социально значимых, этически безупречных идей и соответствующего стимулирования общества. В нашем понимании культурная элита – не социальный сгусток в некоем отгороженном коконе, живущем вне социального пространства-времени. Наоборот, она вплетена в гущу социума своими корнями, каждый из которых есть профессиональная элита (духовно-интеллектуальная или производственная), состоящая из мастеров-творцов своего дела в высшем общекультурном смысле понятия элиты. Культурная элита каждодневно и ежечасно исподволь (с присущей ей скромностью) облагораживает социум своими мыслями, поступками и плодами своего труда без ложной самовлюблённости и красования перед телекамерами. Стимулирующие импульсы от культурной элиты, состоящей из истинно авторитетных высокообразованных людей, инициируют во всех социальных сферах продуктивную деятельность, не только материально эффективную, но и генерирующую духовно-этическое благо и эстетическую красоту для социума в целом.

Для воспитания таких людей¹ отечественная система образования должна быть перестроена с *социально* ориентированной на *лично* ориентированную деятельность. Дольше же господствует отношение к профессиональному образованию (среднему и высшему) как главным образом социально ориентированной деятельности, которая проводится в соответствии с потребностями общества и государства, занимаясь подготовкой квалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно-полезной деятельности. При этом лично ориентированная деятельность оказывается вторичной в системе образования; несмотря на вызовы времени, провозглашаемые (но не исполняемые!) в Законе РФ об образовании. Живая практика образования в нашей стране привычно следует избитым дидактическим стереотипам массового обучения, игнорируя вызовы времени. Так проще для педагогов, а учащимся и студентам, мол, всё равно, тем более что авторитет преподавателя для них «непререкаем», а методологический контроль деятельности преподавателя формален (если вообще существует). Основатели научной педагогики Ян Коменский и Иоганн Песталоцци, их последователи (В. Дильтей, Дж. Дьюи и др.) настаивали на приоритете интересов личности вне зависимости от форм образования. Социальные мотивы образования и воспитания появились в основном в трудах и деятельности русских и советских просветителей и педагогов (народное образование – К.Д. Ушинский, коммунистическое воспитание – А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский). И это не случайно: в России и СССР «роевая» (общинная, соборная) ментальность большинства социума всегда превалировала над личностной ментальностью немногочисленных интеллектуалов. Приоритет социальной ориентации образования оказался настолько живучим, что и поныне педагогическое сообщество противится нововведениям, отдавая предпочтение менторству и «заталкиванию знаний» в память обучаемых. Полагаем, что образование может породить просвещённый социум только через предварительное порождение личностей, а не наоборот: вначале личности, потом семья, род, этнос и в последнюю очередь социум. Личности и порождённый ими социум связаны при-

¹ Изначально педагог был воспитателем (от греч. *paidagogos* – *pais(-idos)* – дитя + *ago* – веду, воспитываю). Обучающая функция была привнесена в педагогику позже.

чудливым взаимовлиянием, причём на каждую личность в не меньшей степени, чем социум, влияют генетика и окружающая природа. Учащиеся и студенты – не толпа со стадными познавательными инстинктами, а педагоги – не её безгрешные кумиры. Личности интересны постольку, поскольку все они разные. Практика показывает, что такие личности понимают потребности – свои, общества и государства – обычно лучше, чем управленцы от образования, рекрутеры рынка труда и социум как целое.

Не секрет, что все религиозные, политические, этические, эстетические, научные, философские учения и парадигмы, известные в истории, внедрялись в сознание людей и через них в социальные институты благодаря харизматическим адептам и следующим за ними апологетами, преданным идее (апостолам, проповедникам, толкователям, идеологам, просветителям и т.п.), т.е. благодаря религиозным, политическим и прочим элитам человечества. Проблема культурной элиты во все времена (Конфуций, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, А. Бергсон, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев и др.) и донныне обсуждается в многочисленных публикациях, пронизанных откровенной тревогой за судьбу подрастающих поколений. Новая образовательная парадигма тоже требует своих адептов и апологетов – подвижников-реформаторов. Без них, как и в любом начинании, не расшевелить инертную массу социума и не подвинуть общество на назревшие реформы. Основная масса российского социума издревле и сейчас безразлична к интеллектуальным и духовно-нравственным ценностям культуры, жизненно необходимым в информационной цивилизации.

Вся система образования и воспитания должна быть перестроена на личностно-порождающую деятельность не только в документах и в избранных учебных заведениях, но и в живой практике всех без исключения учебных заведений (школ, колледжей, вузов). Иначе удовлетворение «потребностей общества и государства» так и останется декларацией о намерениях, а мечты о человеке будущего так и останутся несбыточными. А уж высокообразованная культурная элита общества обязана позаботиться о создании в последнем «критической массы» людей, инициирующих социальную «цепную реакцию» просвещения, культуры и экономического процветания.

Проблема формирования жизнеспособной культурной элиты особенно остра на периферии, где неуёмное чиновничество, инерция мышления, «роевая» ментальность, формализм и неприятие инакомыслия приобрели гипертрофированные формы, достойные гоголевского «Ревизора», щедринских Пошехонья и города Глупова. Появились региональные (областные) министерства образования с соответствующими штатами. В школах, колледжах и вузах угрожающе выросла численность администраторов всех уровней (начальников, заместителей, проректоров и др.), появилась должность «президент университета».

Итак, повторим далеко не новую мысль: первоочередной задачей образования является *воспитание самостоятельного мышления и любознательности* у обучаемых в условиях индивидуального образовательного процесса каждого обучаемого. Остальные задачи образования (приобретение знаний и навыков, освоение методов и средств обработки информации и др.) представляются производными от первой задачи. Если она будет решена, то все производные задачи образования – тем более. В результате общество получит действительно высококультурную личность с её неповторимой духовностью и душевностью, а не телесную особь – пресловутого члена социума, жаждущего только «хлеба и

зрелищ». А кого готовит и выпускает «в свободное плавание» современная система образования? Владелец аттестатов и дипломов, мало похожих на образованных людей и способных плавать только на привычном (шаблонном) мелководье, но никак не в бурных потоках и глубоких морях жизни.

Для серьёзного дела важна не столько формально документированная образованность человека, сколько его подготовленность к данному делу, способность к быстрой адаптации. Известны выдающиеся учёные, изобретатели, философы, писатели, принадлежащие к культурной элите общества и не имеющие законченного высшего образования (А. ван Левенгук, М. Фарадей, Т. Эдисон, Н.А. Бердяев, Я.Б. Зельдович и др.) или добившиеся признания в областях, далёких от своей образовательной квалификации (Л. Гальвани, Ш. Кулон, Г. Мендель, А. Эйнштейн, Т. Кун, Л. Витгенштейн, А.П. Чехов и др.), в то время как их образованные коллеги, мягко говоря, не блистали в своих профильных областях деятельности. Достижения этих людей – следствия их самообразования, которое базировалось на любознательности и упорстве, таланте и воображении. Для профессиональной исполнительской работы на современном ПК (с встроенным офисным пакетом программ) достаточно общего среднего образования, ремесленных навыков и немного любознательности. Практика современного бизнеса, как правило, требует знания четырёх арифметических действий, понятия «процент», азов общения с людьми, Интернетом и справочниками. Плюс интуиция и врождённый или выработанный жизнью (но не образованием) императив обязательности: «обещал – сделай; не уверен – не обещай». Так может, обществу не так уж и нужны высокообразованные люди с дипломами о профессиональном среднем или высшем образовании и якобы компетентные в той или иной науке? Проблема всеобщей грамотности художественно решена, многоуровневое образование внедрено, так зачем и кому ещё нужна пресловутая «высокообразованность»?

Образование, конечно, важная функция культуры, но образованностью не ограничивается вся культура, основами которой должен овладеть высокообразованный представитель культурной элиты. Сколько ещё встречается в «весьма образованной» среде этически и эстетически необразованных (если не безграмотных) людей?! И сколь много среди снобствующих эстетов людей, не знающих азов научно-технической цивилизации, благами которой они пользуются (в частности, ложкой и вилкой)?! Виною всему, *во-первых*, донныне господствующая общемировая парадигма дисциплинарной дифференциации знания, имплицитно дифференциация образования. Образованные в узких научных областях люди подчас не понимают терминологии друг друга (этолог не понимает этиолога, оба не понимают этимолога и т.п.)², дискуссии между ними вырождаются в «споры на коммунальной кухне», а специальные издания читает «узкий круг ограниченных лиц». *Второй* негативный фактор: при приёме на работу тестирование знаний, не требуемое по закону, часто не обязательно, работодатели ценят конкретно-утилитарные («здесь» и «сейчас»), а не фундаментальные знания. Во многом поэтому вся система образования ориентирует учащихся и студентов на что угодно, кроме *культы знаний* как общественной и личностно-психологической установки на первоочередное интеллектуальное и духовное самосовершенствование. А принудить к знанию, по

² Наукометрия насчитывает порядка 15 000 научных дисциплин.

утверждению Конфуция, невозможно (в отличие от послушания). *Третий* негативный фактор: бескультурье большинства социума, подозрительно относящегося к носителям культуры (т.н. «умникам»).

Представляется, что в XXI в. в науку и образование возвратится междисциплинарная парадигма интегрального (научно-гуманитарного) фундаментального знания, исповедуемая ещё древними философами, для которых знание о мире было таким же единым, как сам мир. И несмотря на то, что с Нового времени и до сих пор знание о мире дифференцируется на физику, химию, биологию, антропологию и другие дисциплины, профессиональное образование должно быть переориентировано на выпускника, обладающего, по возможности, интегральной (т.е. универсальной) культурой.

Поэтому на вопрос, нужны ли такие высокообразованные люди, следует ответить утвердительно – да, нужны! Более того, высокообразованных (в приведённом смысле) людей не хватает, потому что практически ни один современный вуз не даёт интегрального (истинно университетского) общекультурного знания. Молодых специалистов много, даже слишком много (как и университетов), а культурных высокообразованных людей с широким кругозором и со вкусом, столь необходимым для любой продуктивной деятельности, – единицы, что явно недостаточно для формирования культурной элиты.

С другой стороны, высокообразованных людей по определению не может быть много (как и истинных университетов) – культурная элита всегда немногочисленна. Поэтому система образования (от начального до высшего) должна, образно говоря, пестовать культурную элиту как квинтэссенцию образования, целевой ингредиент, облагораживающий весь образовательный «продукт» в интересах его же социального будущего. Например, молодые инженеры – выпускники технических вузов (наша техническая элита), находясь по эту сторону Добра, не должны переступать черту, отделяющую его от Зла. Техника ведь сама по себе бесстрашна, равнодушна к Добру и Злу. Движетесь вы к светлому будущему по своей или по встречной полосе, нажимаете кнопку освещения или кнопку пуска ракеты, изучаете на Интернет-хосте образовательные, террористические или порнографические сайты, вашему «железу» всё это глубоко безразлично. Но не вам и не окружающему обществу! Поэтому техническое образование должно быть гуманизировано в рамках междисциплинарной образовательной парадигмы, где гуманитарные и технические научные дисциплины должны быть одинаково значимы. И когда инженеры будут действительно высокообразованными представителями профессиональной технической элиты, какими они были в царской России, высокому званию «инженер» наконец-то будет возвращено незаслуженно утерянное уважение общества.

Междисциплинарность (интегральность, фундаментальность) отражает одну из важнейших внутренних тенденций развития науки и образования в XXI в. К числу внешних вызовов века, напрямую влияющих на образование, отнесём прежде всего глобализацию как фактор «пространственной интеграции». Прошли те времена, когда в каждой стране, исходя из её потребностей, складывалась своя внутренняя система образования. Глобализация стирает географические и информационные границы между государствами и народами, и образование в этом процессе не может быть исключением. «Назад в будущее» оставим для фантазий – у антиглобализма (если он зовёт назад) нет будущего. Высокообразованному человеку в XXI в. должен быть чужд дух национальной исклю-

чительности и ксенофобии, экологической вседозволенности и социального эгоизма. Это не мешает каждому homo sapiens оставаться самобытной свободной личностью, быть истинным патриотом своего Отечества. Ноосферно-философское мышление, культ научно-гуманитарных знаний и непрерывного самосовершенствования, психологическая и мировоззренческая толерантность, искренняя доброжелательность, наконец практическое владение иностранными языками, как и родным литературным языком – вот что должно отличать высокообразованного человека XXI в. Готова ли система образования воспитать таких людей, без которых невозможен социальный прогресс?

Только не следует отождествлять воспитание и (само)образование культурной элиты с известным в мире элитарным образованием. Традиционно полагаются, что культурная элита пестуется именно в избранных учебных заведениях, подобных элитарным вузам Европы и США, Царскосельскому лицей, московским МГУ, МФТИ, МГИМО и др. Полагаем, что это заблуждение. Дело ведь не в том, кто ты, где учился, а в том, что ты из себя представляешь как личность. Ты можешь иметь «за душой» лишь общее среднее или даже начальное образование, но стать высокообразованным самородком благодаря самообразованию. Просто выпускники элитарных учебных заведений на виду, и соответствующие аттестаты и дипломы об образовании создают таким выпускникам «зелёную улицу» при отсутствии в рекрутинге законодательно обязательного тестирования. Найти среди них действительно высокообразованных людей не так-то просто. Ещё труднее отыскать самородков. Но это и есть задача системы образования, всего общества, заботящегося о своём будущем. Иными словами, не все образованные (даже хорошо образованные) люди достойны считаться знающими высокообразованными представителями культурной элиты.

При этом уповать на информатизацию и компьютеризацию образования по меньшей мере наивно. При всех своих полезных возможностях (индивидуализированное диалоговое обучение, адаптация, дистанционное обучение, интернет-образование и др.) они не позволяют выявить талантливых людей. В современной образовательной IT-среде, в которой обучающие и «продвинутые» обучаемые становятся равноправными *коллегами* по общему учебному труду, обучаемые привыкают к шаблонным, рутинным навыкам технологий и интерфейсов, а учебный процесс, отчуждая друг от друга его участников, обезличивается. Никакие hard и soft, дистанционные методы обучения (с их бесконтрольностью) не заменят живого общения учителя и ученика, живого общения самих учеников. Выхолщивается важнейшая воспитательная функция образования – привитие умений (навыков) *думать самому* (а не по шаблону, навязанному естественным или искусственным интеллектом), *учиться* (т. е. усваивать знания, оптимально используя свои психофизиологические возможности – внимание, память, мышление, интуицию), *общаться* (информативно, этически, «живую», а не только через телекоммуникации), *выбирать ценности* (ранжируя их по приоритетам). Поэтому пока представляется разумным симбиоз традиционных и автоматизированных форм обучения с приоритетом живой, а не «виртуальной» педагогики.

В современной системе образования приобретённое знание – это якобы понимание («типа того»), т.е. некая иллюзия, мираж. Эрудиция образованного человека в области объяснимых фактов, обычно называемая знанием, не равноценна их понимающему познанию представителем культурной элиты. Якобы

зная некий объект, наука не обязана его понимать, но обязана выдать рекомендации по рациональному использованию. Так, считается, что электричество мы знаем, ведь мы им успешно пользуемся согласно научным рекомендациям. Но спросите специалиста, что понимается под электричеством. Ведь в лучшем случае ответит, что это философский вопрос. А в худшем, горячась, начнёт рассказывать об электронах, потенциалах, электростатике, электродинамике, не понимая до конца глубину ни одного из упомянутых терминов. Он не виноват: истинное понимание недостижимо, как недостижимы истина, идеал и горизонт.

Люди, познавая мир за мгновения своей жизни, вынуждены следовать парадигме прагматического эклектизма, выдавая приобретённые мнения о мире за знание оною. И хотя считается, что знание больше тяготеет к истине, чем мнение, но граница между знанием и мнением эфемерна, ни один субъект не обладает полным знанием о чём-либо – знание рассеяно фрагментами во мнениях. Столь же эфемерна и граница между знанием и незнанием. Тяготение знания к истине означает, что истину можно представить в аллегорической форме «манящего перста» вечно ускользающей, а потому и никогда не понимаемой до конца сущности (смысла) познаваемого. Высокообразованные люди никогда не похвалятся знанием истины, ибо понимают, что истина и знание, хотя и жёстко коррелированы, но не тождественны, что истина латентна, а знание подобно явленной копии всего лишь некоторого фрагмента истины. Это похоже на театральную сцену с задёрнутым занавесом, за которым скрыта истина. Когда занавес слегка отдёргивается наукой, любопытные видят часть сцены и наиболее самоуверенные из них полагают, что видят всю сцену. Какая наивность!

Стремление к смысловым глубинам единого познаваемого мира отличает высокообразованный интеллект от образованного, довольствующегося поверхностными объяснениями мира, заключёнными в тысячах научных дисциплин. Максима единства знания единого Универсума и методологический полиморфизм познания не противоречат друг другу. Именно для достижения первой (философской) максимы так важно придерживаться второй (образовательной). Но поскольку знание как понимание недостижимо, поиск истин, как манящий перст несбыточной мечты, будет сопровождать любой образовательный процесс, где поиск важнее эфемерного результата – «якобы понимания». Термин «законченное образование» станет неактуальным. Самосовершенствоваться придётся всю жизнь.

Идейно исчерпавшая себя система массового образования, по своему устройству подобная государственной иерархии (в том числе перешедшая на утилитарно-рыночный «компетентностный подход» Болонской системы высшего образования [1; 3] и компьютерно-сетевые технологии), всё ещё придерживается традиционной парадигмы «наполнения сосуда» (т. е. памяти обучаемого) знаниями. Удастся ли в этом сосуде «зажечь факел» понимания, зависит только от обучаемого – его способности самостоятельно мыслить и самообучаться. Уже давно пора переориентировать профессиональное образование на парадигму «факела» – индивидуального самообразования и воспитания самостоятельного, творческого мышления. При этом «сосуд» наполнится сам собой, будьте уверены. В рамках такой парадигмы важны (даже в технических вузах и колледжах) креативные технологии, базирующиеся на искусстве и гуманитарных дисциплинах (философии, филологии, психологии, социологии, культурологии и т. п.). Мировая практика показывает, что только такое обра-

зование способствует высокой образованности личности, в частности выявлению творческого начала на избранном личностью поприще. Но среди выпускников нашей системы образования практически все – *как бы* знатоки, исполнители, а высокообразованных потенциальных творцов, генераторов идей, обладающих разумным мудрым знанием, – единицы, которые могут и не догадываться о своих способностях. Система образования должна их выявлять и помогать в становлении.

Полагаем, что при лично ориентированной системе образования *учиться сможет каждый желающий* на правах вольнослушателя (в том числе в режиме дистанционного обучения), подобно слушателям Академии Платона и Ликейя Аристотеля. Получил образование – и будь доволен! Твоя успеваемость – твоё личное дело, не имеющее никакого отношения к надоевшей всем «фискальной составляющей» образования (контроль и учёт успеваемости, зачётно-экзаменационные сессии, конкурсный отбор, выдача документов об образовании – аттестатов, дипломов, свидетельств, сертификатов). Образование должно быть в удовольствии, а не в страдание. Хочешь добиться признания, принадлежности к культурной элите, достойной работы, доказывай свою квалификацию собственным трудом, в том числе, через законодательно обязательное тестирование при найме на работу, а не потрясанием документами об образовании, как сейчас.

Наука – не менее «болевая точка» отечественной культуры. Согласно данным социологических опросов [2, с. 115], в России профессию учёного считают престижной всего около 10 % респондентов. Для сравнения в США более 50 % населения считают профессию учёного в высшей степени престижной, 25 % – весьма престижной и 20 % – престижной. Средний возраст учёного в России (согласно тем же данным) – 48 лет, кандидата наук – 52 года, доктора наук – 60 лет. Только с 1989 по 2002 г. из России уехали более 20 тыс. самых продуктивных учёных и около 30 тыс. учёных работали за границей по временным контрактам. И эта тенденция не изменяется к лучшему³.

Хотя научный потенциал России, тем не менее, остаётся внушительным, говорить о «возрождении» российской науки прошлого означает возврат к этому прошлому. Необходимо не возрождение старой, а создание новой науки, отвечающей потребностям новейших технологических укладов информационной цивилизации.

И здесь следует, на наш взгляд, обратить внимание на подготовку перспективных учёных высшей квалификации, достаиваемых учёных степеней и званий. Институт магистратуры существует в системе образования ещё слишком мало времени, чтобы оценить его эффективность. Зато некоторые выводы о подготовке кандидатов и докторов наук уже можно сделать. Практика работы нескольких сотен отечественных диссертационных советов свидетельствует об их крайне низкой требовательности к диссертантам. За редким исключением все, кто представляет диссертацию к защите, добиваются успеха. Конечно, есть очень толковые диссертации и талантливые диссертанты. Но они теряются в общем потоке «проходных работ» и посредственностей, возомнивших себя учёными.

³ В петровские времена учёные бежали в Россию от средневековой европейской дикости. От какой дикости они бегут теперь в обратном направлении?

В наиболее развитых странах наука творится главным образом в университетах, оснащаемых соответственно новейшим научным инструментарием для исследований, проводимых известными учёными, которые одновременно являются наставниками способных студентов, дерзновенно рвущихся в науку. В нашей стране со времён СССР и по сей день наблюдается гипертрофированный крен в «ведомственную науку», творимую в многочисленных подведомственных НИИ. Учебно-научные лаборатории российских вузов оснащены в лучшем случае «вчерашней» техникой, часто заменяются виртуальными лабораториями, в которых студенты на ПК моделируют несложные технологические и природные процессы учебного характера под управлением преподавателей-энтузиастов, создавших такие лаборатории. И даже научные работники вынуждены часто прибегать к услугам виртуальных лабораторий вместо натуральных экспериментов и испытаний, без которых истинная наука и ОКР (опытно-конструкторские работы) просто немыслимы. Наука в наших вузах – не любимая родная дочь, как в западных университетах, а падчерица. Дело не спасают даже хозрасчётные научно-прикладные институты, создаваемые при университетах, ибо студенты не стремятся в науку, зная о её плачевном состоянии в масштабах страны и проникаясь традиционным духом общественного российского антиинтеллектуализма, отмечаемого многими отечественными историками и философами (В.О. Ключевским, П.Н. Милоковым, А.И. Ракитовым и др.). Передовая наука – удел молодых профессионалов (учёных и инженеров-изобретателей), которых как раз и не хватает.

Вызывает тревогу, что российское научное сообщество без притока способной молодёжи рискует превратиться в «дом престарелых», собрание догматиков и скептиков, тяжёлых на подъём. Но спрашивается, что в наш меркантильный век может привлекать отечественную молодёжь в науку? Ведь научная работа – это тяжёлый труд, не нормированный по времени, а оплата его в России – явно не по труду и даже не по результату. Скрытая враждебность к учёным, отягощаемая бесстрастной деятельностью самих учёных, их излишним академизмом, нравственным инфантилизмом, граничащими с бесчеловечностью, – всё это не способствует авторитету науки в современной молодёжной среде. И всё же в информационной цивилизации именно интеллектуальный труд, продуцирующий знания, должен стать основной производительной силой. Но в условиях непрекращающегося старения отечественных научных кадров, подчас весьма далёких от вызовов времени, такой пафос просто неуместен. А наша молодёжь вынуждена искать себя в других, более прибыльных сферах, далёких как от науки, так и от развития научной инфраструктуры.

Этика. Высокотехнологичное современное общество должно быть просвещённым (образованным), исповедующим достойные человека духовность, мораль и этику. Ментальные приоритеты людей должны учитываться в первую очередь при социально значимых изменениях. Безнравственные намерения и их реализация не позволят достичь гражданских целей в становлении информационной цивилизации.

Меняются времена, уходят в прошлое правила этикета, основанные на жёстком делении общества на сословия и классы. Но этикет общения отнюдь не упрощается; просто прежние этические правила, кажущиеся непонятными современному человеку, вытесняются новыми, связанными с техническим прогрессом. Например, кому потребовалось бы всего два века назад знать, как

культурно разговаривать по телефону, вести себя в автобусе или анонимно общаться в Интернете? Кому сегодня требуется знать феодальную этику отношений вассала и сюзерена?

Современная этика многоплановая: кроме традиционной этики общения, научной этики есть несколько информационно-технологических этик: сетевая этика (сетикет, нетикет – *netiquette*), киберэтика, инфоэтика, техноэтика и др. Этические нормы и правила не закреплены никакими нормативными или законодательными актами, нарушение правил не предусматривает никакой юридической ответственности, кроме общественного порицания. Этим часто пользуются безнравственные и непросвещённые люди, для которых привычный этический (бытовой и служебный) стиль – моветон, а общественное порицание, даже высказанное вслух или по Интернету, абсолютно незначимо.

Правила сетикета, подобно большей части современных правил обычного этикета, не возникли сами по себе, а направлены на создание такого стиля сетевого общения, когда один из пользователей Сети создаёт другим пользователям, да и себе самому тоже как можно меньше неудобств. Квинтэссенция данных правил имеет библейские корни: «возлюби коммуниканта, как самого себя» вне зависимости от того, нравится он вам или нет. Общение в Интернете анонимно, и вы не можете быть абсолютно уверены, что общаетесь с человеком, а не с одной из множества интеллектуальных диалоговых программ-«собеседниц», которых особенно много в социальных сетях (т. н. «боты» – от «робот»). При этом сетикет общения обязателен для всех собеседников – естественных и искусственных.

Сетикет является важной компонентой *киберэтики*, которая, помимо этических норм коммуникации, предписывает правила ведения переписки по электронной почте, посещения гостевых книг, оформления «вежливых» веб-страниц, интерфейсов прикладных программ, рекламных и информационных баннеров и др. Иными словами, киберэтика есть этика поведения посетителей киберпространства. Культура поведения в виртуальном киберпространстве – не чья-то прихоть, а необходимость, обусловленная издержками бескультурья и агрессивности многих интернет-сайтов, небрежного перевода иноязычных интерфейсов и текстов, назойливости спама и порнографических баннеров, недобросовестности провайдеров.

В свою очередь киберэтика – составная часть *инфоэтики*, определяющей этические пределы прогресса информационно-коммуникационных технологий и этику владения информацией. Инфоэтика включает в себя и такие специфические этики, как *человеко-машинная* этика и *ихакерская* этика.

Этика человеко-машинных отношений жизненно важна для судьбы человеческой цивилизации. То ли человек останется хозяином положения, не утратив власти над машиной, даже обладающей интеллектом, то ли искусственные «существа», созданные человеком и имеющие отличную от него физическую природу, станут править человеком и его миром, то ли родится некий компромиссный человеко-машинный симбиоз – это действительно проблема планетарного масштаба, от которой нельзя отмахнуться. Её надо решать уже сейчас. Пока непохоже, чтобы человечество понимало всю глубину данной проблемы, которая вовсе не в существовании мыслящих машин. Проблема в том, что они ждут нашего решения – отменять «крепостное право» в отношении машин или нет. Если отменим, проблем с машинами будет не меньше,

чем в истинно демократическом обществе проблем у власти с народом, который не безмолвствует («моя хата с краю»), а отстаивает свои права. Возможно, в информационной цивилизации свободные машины будут способны отстаивать свои права, а суды будут вынуждены принимать иски от машин за физический и моральный ущерб, нанесённый им людьми или другими машинами, был бы принят юридический закон. Пока это фантастика, но это только пока! И так же как свершившаяся демократия должна непрерывно совершенствоваться, чтобы быть достойной своего демоса, культурный человек в обществе мыслящих машин и сетевых коммуникантов должен непрерывно самосовершенствоваться, в том числе в этическом плане, дабы не отстать и быть достойным высокого звания *homo sapiens*.

Хакер – программист-фанатик, наиболее «продвинутый» в информационных системах и технологиях, расширение возможностей которых является его целью. Хакерская этика включает три базовых принципа: 1) избегать нанесения ущерба; 2) свободный обмен технической информацией; 3) развитие человеческого знания как такового [4, с. 282]. 1-й принцип означает, что в случае вторжения в систему хакер должен соблюдать величайшую предосторожность во избежание повреждений системы, поэтому истинные хакеры никогда не занимаются взломом компьютерных систем. Данный принцип созвучен этико-медицинскому принципу Гиппократова «не навреди!». Хакеров часто без должных оснований и доказательств отождествляют со взломщиками компьютеров и компьютерных сетей – кракерами (крэкерами). Хакеры полагают, что патентные и авторские ограничения замедляют техническое развитие – отсюда 2-й принцип. 3-й этический принцип очевиден и не нуждается в пояснениях. Так что хакеров следует уважать, и да здравствует хакерская этика! Согласимся, что хакерская этика радикально отличается от кракерской «этики»: 1) навреди, 2) укради, 3) наследуй и 4) уходи. К сожалению, многие хакеры нарушают хакерскую этику, превращаясь в кракеров. И что обидно, российские хакеры в этом предосудительном занятии занимают далеко не последнее место.

Инфоэтика не исчерпывается приведёнными этическими стратами. Возможно, в недалёком будущем в неё включатся этика IT-бизнеса, этика провайдеров, этика сетевых сообществ, межмашинная этика искусственного интеллекта. Последняя из названных этик, как представляется, станет актуальной в искусственном информационном сообществе самовоспроизводящихся машин.

Важно осознать, что в XXI в. инфоэтика приобретает важное значение, а её игнорирование дискредитирует основоположения информационной цивилизации, как в XX в. техногенные катастрофы дискредитировали индустриальный научно-технический прогресс. Достаточно вспомнить технологическую экспансию индустриальной цивилизации, когда научно-техническая проблема атомной энергии превратилась в глобальную социальную проблему не без участия этически мыслящих физиков (Р. Оппенгеймера, А. Эйнштейна, А.Д. Сахарова и др.).

Технике (в частности, информационной технике) как рациональному продукту, сделанному «человеком ремесленным» (*homo faber*), но не «человеком разумным», чужды «любовь ко всякому живому существу» (Л.Н. Толстой), этика «благоговения перед жизнью» (А. Швейцер), «живая этика» (Е.И. Рерих), как и любая этика вообще. Требуется гуманизация техники. И если кому-то информационные технологии представляются этически нейтральными

ми, а их антигуманное использование якобы целиком и полностью обусловлено деятельностью неких социальных сил, то из этого отнюдь не следует, что с учёного, инженера и программиста снимается всякая ответственность за то, каким образом и каким анонимным «социальным силам» служат информационные технологии.

Апологетам и эпигонам информационных технологий придётся обращаться к своей совести, призывать нравственность и чувство ответственности. Людям, склонным к технократическому мышлению, полезно настойчиво напоминать о духовных ценностях – гуманности, совести, сострадании, о том, что искусственный мир техники и информационных потоков, окружающий современного человека, не имеет права подавлять человеческое естество, дух человека. Машины и переносимая ими информация должны помогать человеку, а не превращать его в своего раба и не заставлять оправдываться за содеянное машинами.

Инфоэтика – составная часть *техноэтики*, задача которой – определить этические пределы технического прогресса плюс этика владения имеющейся техникой. С инфоэтикой и техноэтикой неразрывно связана и *научная этика*, устанавливающая нравственные границы научного прогресса плюс этика владения накопленным научным знанием.

Общечеловеческая этика венчает перечисленные этики, а входящие в неё биоэтика и экоэтика совместно с техноэтикой, инфоэтикой, киберэтикой должны синтезироваться в целостную этику, основанную на традиционных, устоявшихся этических принципах различных культур, социумов и человечества в целом. Такая синтетическая этика должна составить нравственный базис информационной цивилизации.

Соблюдение этических норм в информационной цивилизации будет способствовать её гармоничному развитию во благо научно-техническому прогрессу, поддержанию и расцвету духовности человека. Если же мы, будучи во множестве дремуче бездуховными, попытаемся войти в новую цивилизацию, вскармливая свою бездуховность в угоду сиюминутным материальным, экономическим, развлекательным потребностям и животным инстинктам, пусть и облечённым в приятную информационно-компьютерную «упаковку», то нам никогда не вкусить благ информационной цивилизации.

Русская (и российская в целом) культура имеет уважаемые всем человечеством этические традиции и культурные достижения, которые должны, по нашему мнению, вместе с достижениями мировой культуры составить духовно-нравственное ядро отечественной культуры, включив в то же время всё лучшее из новой культурной волны. Только такая высокоэтичная культура сможет быть жизнеспособной в современном российском обществе как составной части глобальной информационной цивилизации.

Заключение. Культурная реальность в целом пока не даёт оснований для веры в быстрые перемены, необходимые для духовного возрождения России. Недостаточный общекультурный уровень населения тормозит любые инициативы, направленные в будущее. Народ, скорее, борется за выживание в непростых условиях рыночной экономики, нежели обременяется инновационными вызовами информационной цивилизации. В преддверии новой цивилизации граждане России, подобно васнецовскому витязю на распутье, должны решить, кому внимать – гласу вопиющих технократов, которые манят ожидаемыми прелестями информатизации жизни, или внутреннему голосу, который

предупреждает: «лучше синица в руке, чем журавль в небе» – да и «деньги пока никто не отменял». Небрежение культурой, свойственное современной России, чревато потерей ориентиров на будущее, в том числе в сфере материального благополучия.

О культуре надо помнить всегда, а не изредка вспоминать о ней.

Список литературы

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005; 114 с.
2. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.
3. Иванова В.И. Реализация Болонских идей в России: нормативные противоречия // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 70–74.
4. Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). М: ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.

REMEMBERING ABOUT CULTURE

V.B. Gukhman

Tver State University, Tver

Some selected problems of the versatile Russian contemporary culture are considered, namely: in art – the opposition between national art and standardized international pop-art; in education – the need of transition from socially-oriented to person-oriented educational process aimed at the formation of the society cultural elite; in science – the personnel problem: the outflow of the Russian scientists abroad, the non-prestigious status of a scientist profession among young people, low demands for the scientists of higher qualification. As a result, one can come to the conclusion that Russia is unready for a painless entry to the information civilization.

Keywords: art, education, science, ethics, cultural elite, information civilization.

Об авторе:

ГУХМАН Владимир Борисович – д. филос. н., профессор ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: gukh39@yandex.ru

Author information:

GUKHMAN Vladimir Borisovich – PhD, Prof., Tver State University, Tver. E-mail: gukh39@yandex.ru